
БОРЗЫХ Д Ю
COLDEUGEO
BEYOND LIMITS
ЗА ПРЕДЕЛАМИ СУДЬБЫ
ТОМ I
ФЭНТЕЗИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДРАМА
РОМАНТИКА
ИНОГДА, ЧТОБЫ ИЗМЕНИТЬ МИР... НУЖНО ПЕРЕСТАТЬ БОЯТЬСЯ СВОЕЙ СУДЬБЫ.

БОРЗЫХ Д. Ю.

COLDEUGEO

Beyond Limits

За пределами судьбы

Том I

© Борзых Д. Ю., 2025–2026. Все права защищены.

Оглавление

1. Обычное утро перед концом света.....4
2. Незнакомец под дождём.....20
3. Клинок, помнящий звёзды.....38
4. Трещина в привычном мире.....56
5. Дорога за границу.....75
6. Человек, переживший Элизиум.....93
7. Архитектор и его обещание.....110
8. Четыре испытания.....126
9. Город, который учится жить.....149
10. Между двумя сердцами.....168
11. Архив забытых имён.....185
12. Отражение, которое опоздало.....204
13. Осколки Элизиума.....223
14. Жетон с четырьмя ветвями.....241
15. Охотница на разломы.....258
16. Тот, кто наблюдает.....278
17. Рэй Кагэцу.....296
18. Девочка, знающая чужие имена.....313
19. Капитан, который не верил героям.....331
20. Цена исцеления.....350
21. Архивистка и ложное пророчество.....368
22. Дорога в Куроганэ.....393
23. Наследник без короны.....410
24. Испытание без победителя.....426
25. Город из чёрного стекла.....446
26. Память Наблюдателя.....462
27. Правда о пятой печати.....479
28. Когда союзники становятся чужими.....498
29. Семь огней над Астерионом.....513
30. То, что нельзя вернуть.....528
31. Сердце Междумирья.....549
32. За пределами судьбы.....563
33. Рассвет, который выбрали сами.....579

Глава 1. Обычное утро перед концом света

В Астерионе утро никогда не наступало бесшумно.

Сначала просыпались башенные часы — не все сразу, а по очереди, словно город проверял, на месте ли ещё каждая из его частей. Затем начинали звенеть медные колокольчики на крышах: их подвешивали много лет назад, чтобы предупреждать жителей о сильном ветре с восточных высот. После колокольчиков приходила очередь торговцев. Они открывали ставни, выкатывали тележки, спорили из-за места у фонтана и неизменно обвиняли друг друга в том, что кто-то занял лучший угол раньше рассвета.

И только потом просыпалось солнце.

Оно поднималось из-за гор медленно, окрашивая черепичные крыши в золотистый цвет. Свет скользил по высоким шпилям, цеплялся за стеклянные купола обсерватории и добирался до узких улиц нижнего города, где пахло свежим хлебом, мокрым камнем и дымом первых печей.

Астерион любил считать себя городом, которому ничего не угрожает.

Его стены были построены на уступах огромной скалы. С востока город защищали горы, с запада — глубокая долина, а над центральной площадью возвышалась старая обсерватория, чьи линзы, по легенде, могли видеть не только далёкие звёзды, но и

то, что скрывалось за пределами мира. Большинство жителей считали эту историю красивой выдумкой. Некоторые — полезной приманкой для приезжих. И лишь немногие знали, что под обсерваторией действительно существовали помещения, которых не было ни на одном плане.

В то утро никто не собирался думать о древних помещениях.

По крайней мере, почти никто.

Аля стояла у открытого окна и пыталась закрепить непослушную прядь длинных белых волос. Ветер снова подхватил её, бросил на лицо и с таким видом потянул в сторону, будто был лично обижен на попытку привести причёску в порядок.

— Если ты ещё раз это сделаешь, я объявлю тебе войну, — пробормотала Аля ветру.

Ветер ответил порывом.

На столе остывал чай. Рядом лежала небольшая книга в светлой обложке, раскрытая на странице, которую Аля перечитывала уже третий день. Это был сборник старых городских преданий. Она взяла его в библиотеке почти случайно, привлечённая рисунком на обложке: четыре звезды, соединённые тонкими линиями вокруг пустого круга.

Текст внутри оказался куда менее занимательным, чем обещала обложка. Большинство легенд рассказывали о давно забытых королях, путешественниках и существах, которые якобы жили в облаках. Но одна история не отпускала её.

«Когда Завеса истончится, четыре пути пересекутся. Память узнает утраченное. Воля выдержит невозможное. Отражение увидит несделанный выбор. Надежда даст имя тому, что ещё не родилось».

Аля не понимала, почему запомнила эти слова. В них не было ничего особенно красивого. И всё же каждый раз, когда она закрывала книгу, ей казалось, будто фраза продолжает звучать где-то на краю сознания.

Она захлопнула обложку.

— Хватит. Сегодня обычный день.

Снизу донёсся голос Юки:

— Если ты разговариваешь с ветром, то хотя бы спроси у него, будет ли дождь!

Аля выглянула наружу. На мостовой, задрав голову, стояла Юки. Её длинные чёрные волосы были собраны лентой, но несколько прядей уже выбились и обрамляли лицо. Фиолетовые глаза весело блеснули.

— Будет! — крикнула Аля.

— Отлично! Значит, ты наконец-то научилась предсказывать погоду!

— Я просто посмотрела на облака!

— Не разрушай легенду!

Юки исчезла под аркой дома и через минуту уже поднялась по лестнице. Она вошла без стука, как делала всегда, и поставила на стол два свёртка с завтраком.

— Я принесла булочки. Одну можешь считать платой за то, что я пришла за тобой, вторую — платой за то, что ты опять забыла поесть.

— Я не забыла.

— Чай не считается едой.

— Там есть мёд.

— Мёд тоже не считается едой, если его просто размешать в горячей воде.

Аля рассмеялась. С Юки было легко спорить: та могла превратить даже самое незначительное замечание в маленькое представление. Но за её шутками скрывалась внимательность, которую не сразу замечали. Юки помнила, кто что любит, замечала перемены в настроении и умела понять, когда лучше промолчать.

— Ты опять читала эту книгу? — спросила она, увидев сборник.

— Немного.

— «Немного» — это когда ты читаешь одну страницу. А когда сидишь над ней три дня, это уже подозрительно.

Юки взяла книгу и пробежала глазами знакомую строку.

— Четыре пути, пустой круг… Похоже на загадку, которую придумал человек, которому нечем было заняться.

— Возможно.

— Или на предупреждение.

Аля посмотрела на неё.

— Ты ведь тоже это почувствовала?

Юки на мгновение перестала улыбаться. Она перевернула страницу, хотя знала, что дальше шли обычные легенды.

— Не знаю, — ответила она наконец. — Последние несколько ночей мне снится одно и то же место. Там огромное зеркало. Я стою перед ним, а отражение… не повторяет мои движения.

— И что оно делает?

— Смотрит на меня так, словно ждёт, когда я наконец задам правильный вопрос.

Юки вернула книгу на стол и тут же снова улыбнулась.

— Но это, конечно, просто сон. А теперь пошли. Если мы опоздаем на рынок, нам достанутся только булочки с маком, а ты знаешь, что я думаю о маке.

— Ты говорила, что он вкусный.

— Я говорила это из вежливости.

Они вышли на улицу.

Астерион уже жил полной жизнью. На площади торговец фруктами громко спорил с владельцем лавки специй. Двое детей пытались поймать бумажного змея, зацепившегося за фонарь. Старик в синем жилете кормил голубей и ругался на каждого, кто проходил слишком близко. Над всем этим возвышалась обсерватория, и её купол казался прозрачным в утреннем свете.

— Смотри, — сказала Юки.

На ступенях у фонтана стоял незнакомый мужчина в форме городской стражи. Он разговаривал с торговцем и держал в руках небольшую металлическую пластину. На ней был выгравирован знак: круг, пересечённый четырьмя линиями.

— Это новый символ стражи? — спросила Аля.

— Нет. Старый. Его убрали лет двадцать назад.

— Откуда ты знаешь?

— Я однажды помогала в архиве. Там были документы о прежнем устройстве города.

Юки произнесла это буднично, но Аля заметила, что она задержала взгляд на пластине чуть дольше обычного.

— Пойдём, — сказала Юки. — Не люблю, когда люди смотрят на нас так, будто мы уже что-то натворили.

Они направились к рынку. На перекрёстке им пришлось остановиться: по мостовой проходила группа стражников. Впереди шёл высокий молодой капитан с тёмно-рыжими волосами. Его броня была безупречно начищена, а на плечах лежал короткий плащ цвета тёмного вина.

Он окинул площадь внимательным взглядом и остановился возле фонтана.

— Сегодня после полудня закройте северный проход, — приказал он одному из стражников. — И выставьте дополнительный патруль у старой лестницы.

— Есть сведения об угрозе, капитан Варен?

— Пока нет. Именно поэтому я не собираюсь ждать, пока они появятся.

Юки наклонилась к Але:

— Каэль Варен. Говорят, он способен объявить тревогу из-за подозрительно тихого голубя.

— Может быть, он просто осторожный.

— Осторожность — полезная вещь. Но если осторожный человек начинает подозревать даже голубей, ему стоит иногда отдыхать.

Капитан внезапно повернул голову. Его взгляд остановился на Юки.

— Что-то хотели сказать?

— Только то, что голуби сегодня выглядят особенно подозрительно, капитан.

Стражник рядом с ним едва заметно улыбнулся. Каэль не изменился в лице.

— Тогда не подходите к ним слишком близко.

Он продолжил путь.

— Видишь? — шепнула Юки. — Ни капли чувства юмора.

— Ты сама к нему пристала.

— Я проверяла городскую оборону.

Они добрались до рынка и провели там почти час. Аля выбирала фрукты, Юки торговалась за ленты, а потом обе задержались у маленького прилавка с украшениями. Там продавали подвески из цветного стекла, и одна из них привлекла внимание Али: прозрачный круг с тонкой голубой звездой внутри.

— Красиво, — сказала она.

— Тебе подходит, — отозвалась Юки.

— Почему?

— Не знаю. Просто подходит.

Аля уже потянулась за кошельком, когда стеклянная звезда внутри подвески на мгновение потемнела.

Совсем ненадолго.

Но Аля увидела это.

Она подняла украшение к свету. Звезда снова стала голубой.

— Что-то не так? — спросила торговка.

— Нет. Наверное, показалось.

Она купила подвеску и надела её на шею.

В этот момент над городом ударили часы.

Один раз.

Звук был глухим, словно колокол находился не на башне, а глубоко под землёй.

Затем второй удар.

Третий.

Астерион замер. Торговцы перестали говорить, дети остановились посреди площади. Даже голуби подняли головы.

Юки медленно повернулась к обсерватории.

— Часы не должны бить в это время.

Четвёртый удар прозвучал тише остальных.

И после него на несколько секунд исчезли все звуки.

Не стало слышно ветра, шагов, голосов, шелеста ткани. Мир не замер — люди продолжали двигаться, листья продолжали колыхаться, — но звук словно кто-то вырезал из самой реальности.

Аля почувствовала холод на коже.

В стекле витрины напротив она увидела своё отражение. Оно стояло неподвижно, хотя сама Аля невольно отступила на шаг.

Она моргнула.

Отражение повторило движение.

— Аля? — позвала Юки.

— Ты видела?

— Что?

Аля указала на витрину, но там уже отражались только две девушки и улица за их спинами.

— Ничего. Забудь.

Юки не стала настаивать. Она лишь взяла подругу за руку.

Звуки вернулись разом. Город словно выдохнул. Люди заговорили громче, кто-то рассмеялся от неловкости, а торговцы принялись уверять друг друга, что ничего необычного не произошло.

Но на вершине обсерватории, за закрытым стеклянным куполом, вспыхнул свет.

Внутри старого здания проснулся механизм, который не запускали больше ста лет.

К полудню небо затянуло облаками.

Аля и Юки возвращались домой через верхнюю улицу, когда заметили толпу у северной лестницы. Несколько стражников окружили участок мостовой, а капитан Каэль Варен отдавал распоряжения. На камнях виднелась тонкая чёрная линия — будто кто-то провёл по ним раскалённым лезвием.

— Не приближайтесь, — приказал Каэль собравшимся. — Всем жителям пройти на соседнюю улицу.

— Что случилось? — спросила Аля у женщины, стоявшей рядом.

— Не знаю. Говорят, камень треснул сам по себе. А один стражник клянётся, что из трещины доносился голос.

Юки нахмурилась.

— Какой голос?

Женщина пожала плечами.

— Будто кто-то звал его по имени.

Каэль заметил девушек и направился к ним.

— Вы живёте неподалёку?

— Да, — ответила Аля.

— Тогда возвращайтесь домой и не выходите до особого распоряжения.

— Но что происходит? — спросила Юки.

— Пока неизвестно.

— А если мы можем помочь?

— Тогда вы поможете, оставшись в стороне.

Юки уже открыла рот, но Аля осторожно коснулась её локтя.

— Мы поняли, капитан.

Каэль задержал на них взгляд, словно хотел добавить что-то ещё, но передумал.

Они отошли от оцепления.

— Он что-то скрывает, — сказала Юки.

— Возможно, он сам пока ничего не знает.

— Это ещё хуже.

Впереди, у стены старого дома, стоял молодой человек в тёмном плаще. Чёрные волосы падали ему на лоб, а рука лежала на рукояти меча. Он смотрел не на трещину, а на небо над ней.

Его лицо было спокойным, почти бесстрастным. Но в этой неподвижности чувствовалось напряжение человека, который слишком долго ждал именно такого события.

Аля невольно замедлила шаг.

Незнакомец повернул голову.

Их взгляды встретились.

На одно мгновение шум улицы отступил. Аля не знала этого человека, но почему-то почувствовала, будто уже видела его — не во сне и не наяву, а в воспоминании, которое никогда не принадлежало ей.

Юки тоже заметила его.

— Знакомый? — тихо спросила она.

— Нет.

Незнакомец отвёл взгляд и направился к северной лестнице.

— Эй! — окликнула его Юки. — Там закрытая зона!

Он не остановился.

Стражник преградил ему путь, но молодой человек показал небольшой знак. Каэль, увидев его издалека, резко изменился в лице.

Он поднял руку, останавливая стражника.

Незнакомец прошёл за оцепление.

— Кто это? — спросила Аля.

— Не знаю, — ответила Юки. — Но капитан его узнал.

С северной лестницы донёсся короткий металлический звук.

Затем — вспышка.

Небо над Астерионом на миг стало белым.

Незнакомца звали Харуто.

Он стоял перед трещиной и смотрел, как чёрная линия медленно расширяется в камне. Внутри неё не было ни огня, ни дыма. Только глубокая темнота, в которой мерцали крошечные точки света.

Звёзды.

Харуто знал: это не отражения неба.

— Она открывается раньше, чем должна, — произнёс он.

Каэль подошёл ближе.

— Ты говорил, что у нас есть ещё несколько дней.

— Я ошибся.

— Ты слишком часто ошибаешься для человека, который приходит с предупреждениями.

Харуто не ответил. Он вынул меч из ножен. На тёмной поверхности клинка пробежала тонкая серебристая линия.

— Отведите людей подальше.

— Сначала объясни, что это.

— Граница.

— Граница чего?

Харуто посмотрел в трещину.

— Между тем, что существует, и тем, что не должно было сюда попасть.

Изнутри донёсся шёпот. Он звучал так, словно сразу несколько голосов произносили одно и то же слово на разных языках.

Харуто узнал его.

— Нет, — прошептал он. — Только не сейчас.

Трещина раскрылась шире.

На мгновение в её глубине возник силуэт человека с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. Затем изображение исчезло.

Харуто резко повернулся к площади.

Он увидел Али.

И понял, что ошибся не только во времени.

Он ошибся в том, кого именно искал.

Вечером Астерион закрыл ворота.

Городские колокола больше не звонили. На улицах горели дополнительные фонари, стража патрулировала мосты, а у северной лестницы

выставили двойное оцепление. Официально объявили, что произошёл опасный сдвиг горной породы. Никто не поверил, но никто и не задавал вопросов слишком громко.

Аля сидела у окна. Подвеска с голубой звездой лежала на ладони. С тех пор как она вернулась домой, стекло едва заметно светилось.

Юки ходила по комнате из угла в угол.

— Я нашла старую запись, — сказала она. — В городском архиве. Сто лет назад часы обсерватории тоже ударили четыре раза без механического запуска.

— И что произошло потом?

— Запись обрывается. Следующая страница вырвана.

— Кто её вырвал?

— Вот это я и собираюсь выяснить.

Аля подняла голову.

— Юки, ты ведь не думаешь, что всё это связано с нами?

Юки остановилась.

— Я думаю, что сегодня слишком много странных вещей произошло рядом с нами, чтобы считать их совпадением.

В дверь постучали.

Обе замерли.

Второй стук прозвучал настойчивее.

Юки подошла к двери и посмотрела в щель.

На пороге стоял Харуто.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

— Сейчас? — Юки скрестила руки. — Уже поздно.

— Именно поэтому.

Аля подошла ближе.

— Что случилось?

Харуто посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— То, что произошло сегодня на северной лестнице, было только началом. В ближайшие дни Астерион перестанет быть безопасным местом.

— Почему? — спросила Аля.

— Потому что граница между мирами повреждена.

Юки прищурилась.

— Ты говоришь так, будто знаешь, кто её повредил.

— Знаю.

— Тогда назови его.

Харуто помолчал.

— Человека, который считает, что свобода — это ошибка.

В комнате стало тихо.

Аля сжала подвеску. Голубая звезда вспыхнула, и по стене пробежала тонкая линия света. На мгновение в ней проявился знак из четырёх соединённых звёзд.

Харуто увидел его и побледнел.

— Значит, это правда, — произнёс он.

— Что правда? — спросила Аля.

Но Харуто уже смотрел не на неё, а на светящийся знак.

— Пророчество началось.

За окном, далеко над обсерваторией, облака разошлись. Между звёздами появилась тонкая чёрная линия — такая же, как трещина на северной лестнице.

Она медленно раскрывалась.

А в месте, которого не было ни на одной карте Эйтерии, кто-то наблюдал за городом через поверхность неподвижного зеркала.

— Первая душа найдена, — произнёс незнакомый голос.

Другая фигура, стоявшая в темноте, спросила:

— А остальные?

— Они сами придут.

Зеркало потемнело.

И обычное утро Астериона стало последним утром, когда жители могли верить, что их мир принадлежит только им.

Глава 2. Незнакомец под дождём

Харуто не переступил порог.

Он стоял на лестничной площадке, и свет лампы из комнаты резал его лицо пополам: одна половина оставалась в тени, другая казалась старше своих лет. Плащ на плечах потемнел, хотя дождя ещё не было. Аля заметила это и не сразу поняла, что её тревожит. Потом поняла: ткань покрывал тонкий иней, и он таял, едва добравшись до тепла.

— Можно войти? — спросил он.

— Обычно с этого начинают, — заметила Юки. — А не со слов «пророчество началось».

— Я не умею начинать иначе.

— Заметно.

Но она отступила от двери.

Харуто вошёл и не стал оглядываться по сторонам. Так поступают люди, которые привыкли запоминать комнаты с первого взгляда и не хотят, чтобы это замечали. Сначала он проверил окно, потом дверь. Потом взгляд остановился на книге в светлой обложке, раскрытой на странице с четырьмя звёздами. Он задержался на ней на секунду дольше, чем следовало.

Аля села на край стула. Подвеску она так и не выпустила из руки. Голубой огонь внутри стекла стал ровнее и спокойнее, словно дыхание уснувшего человека.

— Ты сказал, что граница повреждена, — начала она. — Какая граница?

— Завеса.

— Это слово есть в старых книгах, — вмешалась Юки. — «Завеса между мирами». Его упоминают раз на десять страниц, и всегда как красивую метафору.

— Это не метафора.

— Докажи.

Харуто посмотрел на неё внимательно, как смотрят на собеседника, который не собирается верить на слово и не станет делать вид, что поверил.

— Подойдите к окну.

Юки подошла первой, Аля — следом. За стеклом лежал Астерион: огни фонарей, чёрные силуэты башен, тонкая нить факелов вдоль северной стены. Над обсерваторией небо казалось ниже обычного, словно кто-то подтянул его ближе к городу.

— Смотрите не на улицу, — сказал Харуто. — На стекло.

В тёмном окне отражались комната, лампа, две девушки и он сам, остановившийся у них за плечами.

Юки вдруг замерла.

— Что? — спросила Аля.

— Он стоит не так, — медленно ответила Юки.

— Как?

— В отражении… — Она не отрывала взгляда от стекла. — Его рука на мече. Клинок вынут наполовину. И рукав… весь рукав в крови.

Аля посмотрела в окно. Она видела Харуто, стоящего со сложенными руками. Рукава у него были чистые.

Харуто не шелохнулся.

— Ты видишь не то, что есть, — сказал он. — Ты видишь то, что может случиться.

— Я не просила видеть.

— Этого никто не просит.

Юки отвернулась от окна. Пальцы у неё дрожали, и она спрятала их, сцепив руки на локтях. Аля знала эту привычку: так Юки держалась, когда боялась и не желала этого показывать.

— Значит, сны про зеркало — это тоже оно, — сказала Юки тихо. Голос её был ровным, но слишком ровным. — Я надеялась, что это просто сны.

— Я не уверен, что это не просто сны. Я не говорю то, в чём не уверен.

— Удобная позиция.

— Нет, — ответил Харуто. — Неудобная.

Повисла пауза. Откуда-то снизу донёсся стук колёс по мостовой: одинокая повозка спешила домой, пока не закрыли последний мост.

— Почему ты пришёл к нам? — спросила Аля. — Не в обсерваторию, не к страже. К нам.

— К страже я уже приходил. Дважды. Капитан Варен слушает, но не верит. Это его право.

— А мы?

Харуто помедлил. Всего мгновение, но Юки поймала его — она всегда ловила такие мгновения.

— Сегодня на лестнице я увидел вещь, которой не ожидал увидеть. А потом ещё раз — у тебя на стене.

— Знак, — сказала Аля.

— Да.

— Это не вся правда, — заметила Юки.

— Не вся.

— И когда будет вся?

— Когда я буду уверен.

Аля поднялась со стула.

Она не собиралась этого делать. Ноги сами выпрямились, и вместе с ними выпрямилось что-то внутри — то, что до сих пор тихо ждало в стороне.

— Я не вещь, которую нужно беречь, пока ты не решишь, что мне можно знать, — сказала она. Голос прозвучал мягче, чем ей хотелось, но Харуто услышал каждое слово. — Если это касается меня, я хочу слышать это от тебя, а не догадываться по твоему лицу.

— Я не считаю тебя вещью.

— Тогда не веди себя так.

Он смотрел на неё долго. Потом медленно кивнул.

— Справедливо.

— Это всё?

— Пока да. Я скажу, когда пойму сам. Обещаю не тянуть дольше, чем придётся.

Юки хмыкнула:

— Две минуты назад ты был уверен, что нельзя ничего говорить. Прогресс.

— Не стоит принимать это за слабость.

— Я принимаю это за здравый смысл. Он тебе идёт.

Харуто чуть заметно приподнял уголок рта, и Аля поняла, что он не привык улыбаться — для этого движения у него словно не хватало практики.

Затем лицо его вновь стало серьёзным.

— Разлом на северной лестнице расширяется. Капитан Варен выставил людей, но они не понимают, что там. Я иду туда.

— Мы с тобой, — сказала Юки.

— Нет.

— Это не просьба.

— Юки…

— Харуто, — Аля подняла подвеску, и голубая звезда мягко отозвалась на её движение. — Знак загорелся у меня на стене. Если это связано со мной, я хочу быть там. Не потом, не из пересказа.

— Это опасно.

— Мы заметили.

Он понял, что спорить бесполезно. Это было видно по тому, как опустились его плечи — не от поражения, а от усталости человека, который давно привык проигрывать подобные споры.

— Тогда слушайте внимательно. Держитесь за моей спиной. Что бы вы ни услышали, не отвечайте.

— Кому не отвечать? — спросила Аля.

— Вы поймёте.

Когда они вышли из дома, упали первые капли.

Одна коснулась тыльной стороны ладони Али. Она посмотрела на неё и улыбнулась, не удержавшись.

— Я же говорила.

— Теперь ты невыносима, — отозвалась Юки. — Ты будешь напоминать мне об этом неделю.

— Минимум.

Дождь усилился быстро, словно небо только и ждало разрешения. Он стучал по черепице, сбегал по желобам, превращал мостовую в тёмное зеркало, в котором дрожали огни фонарей. Харуто шёл впереди и не оборачивался. Плащ его намок, но иней на плечах не таял.

Улицы были почти пусты. В окнах мелькали лица и пропадали за занавесками. На углу старик в синем жилете, тот самый, что утром ругал голубей, торопливо запирал ставни. Увидев их, он открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал и просто перекрестил воздух сухой ладонью.

Чем ближе они подходили к северной лестнице, тем страннее вёл себя дождь.

Сперва Аля решила, что ей показалось. Потом заметила, что капли у самого края оцепления замедляются. Они не останавливались, нет, — но падали тяжело, лениво, как в густом сиропе. А те, что оказывались рядом с чёрной трещиной, на несколько

мгновений повисали в воздухе стеклянными бусинами и лишь потом срывались вниз.

— Ты тоже видишь? — шёпотом спросила она.

— Вижу, — так же тихо ответила Юки. — Мне это не нравится.

— Мне тоже.

У северной лестницы горели жаровни. Огонь шипел под дождём, но не гас. Стражники стояли полукругом, щиты придвинуты друг к другу, копья направлены к земле. У многих уши были забиты воском: Аля увидела это по аккуратным желтоватым комочкам, мелькавшим под шлемами. Каэль Варен стоял в центре, и по осанке его невозможно было понять, что он не спал уже сутки.

Трещина стала шире. Утром это была линия, тонкая, как порез ножом. Теперь это был провал с неровными краями в человеческий рост, и в нём, как в чёрной воде, плавали далёкие огоньки.

Харуто подошёл к капитану.

— Ты привёл гражданских, — сказал Каэль, не поворачивая головы.

— Они пришли сами.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Для меня одно, — Каэль наконец взглянул на Алю и Юки. Взгляд задержался на подвеске. — Я просил вас оставаться дома.

— Вы просили не мешать, — спокойно возразила Юки. — Мы не мешаем. Мы стоим.

— Под дождём. Рядом с разломом.

— Вы тоже.

Один из стражников хрипло сдавленно хихикнул и тут же замолчал. Каэль чуть заметно прикрыл глаза, будто считал до десяти.

— Харуто. Что у нас?

— Пока ничего. Скоро будет.

— Мне нужно больше, чем «скоро будет».

— Людям нужно заткнуть уши полностью, а не наполовину. И отойти от края на пять шагов.

— Они уже стоят на пяти.

— Тогда на десять.

Каэль помедлил, но кивнул, и по цепи пошла команда. Один из стражников — совсем молодой, почти мальчик — не двинулся.

Он смотрел в трещину, чуть приоткрыв рот. Воск торчал у него из одного уха, а второе было свободно.

— Орем, — позвал Каэль. — Назад.

Парень не ответил.

— Орем!

— Мама? — сказал он.

Он сделал шаг вперёд.

Каэль рванулся и схватил его за ворот. Харуто оказался рядом одновременно с ним. Оба успели: Орема оттащили на мостовую, он упал, оглушённо хлопая глазами.

— Что… что это было?

— Не слушай, — сказал Харуто. — Заткни ухо. Сейчас же.

Из трещины поднялся голос.

Он не был громким. Он был тихим и тёплым, и именно от этого по спине Али побежал холод. Голос принадлежал женщине, которой не было рядом. Он звал не слишком настойчиво, с лёгкой, привычной нежностью: «Орем… Орем, иди домой, суп остывает».

Юки схватила Алю за руку.

— Не слушай.

— Я не…

— Я знаю. Просто не слушай.

Из провала выбралась тень.

Сначала Аля подумала, что это человек. Он был высоким, худым, с узкими плечами и опущенными руками. Но там, где должно быть лицо, дождь не стекал по коже, а просто висел в воздухе — множество капель, собранных в подобие черт и удерживаемых невидимой силой. Лицо рябило, как поверхность воды, в которую бросили камешек. В нём не было ни глаз, ни рта.

Однако голос шёл именно оттуда.

— Зовущие, — сказал Харуто. Он вынул меч. По тёмному клинку пробежала серебристая линия. — Они не нападают, пока ты не откликнешься.

— Это объяснение или предупреждение? — процедил Каэль, обнажая собственный клинок.

— И то и другое.

Второй Зовущий вышел из трещины. Потом третий.

Они не торопились. Они шли, как идут к знакомой двери: уверенно, зная, что им откроют.

Харуто шагнул навстречу.

Аля никогда не видела, как он сражается, и не была готова к тому, что это окажется почти красивым. Движения его были экономными, без лишнего размаха. Он не нападал, он вёл. Клинок вычерчивал в дожде линии, и там, где проходил серебристый след, капли разлетались и не успевали сомкнуться. Первый Зовущий распался на десятки брызг и осел на мостовой тёмной лужей.

Но второй уже стоял сбоку.

— Харуто! — крикнула Юки.

Он обернулся не сразу. На долю мгновения клинок опустился: что-то в голосе, звавшем из-за дождя, заставило его остановиться. Что именно он услышал, Аля не знала. Она видела только, как по лицу его прошла тень — не страха и не боли, а чего-то более глубокого, давно знакомого, как вина, которую носят в кармане и ощупывают в минуты слабости.

Этого мгновения хватило.

Зовущий коснулся его предплечья.

Харуто сдержал вскрик. Рукав побелел — тот самый рукав, который Юки видела в окне, только пока без крови. Иней побежал вверх по ткани, добрался до локтя. Меч дрогнул в руке, и Аля увидела, как пальцы Харуто сводит судорогой.

Он ударил левой рукой, неловко, почти наугад. Зовущий распался, но сам Харуто упал на одно колено.

— Он ранен! — крикнул кто-то из стражников.

— Держать строй! — рявкнул Каэль. — Не отвечать им! Не слушать!

Третий Зовущий двигался не к Харуто.

Он шёл к Але.

Она поняла это не по движению, а по голосу, который вдруг изменился. Мягкая интонация чужой матери исчезла. Теперь из дождя звучал другой голос — знакомый, до ужаса знакомый.

Её собственный.

«Аля. Иди сюда. Здесь не больно».

Она замерла.

«Ты же помнишь, как здесь было. Ты была здесь раньше. Просто забыла».

Это было невозможно. Она никогда не была в этом месте. Но слова проникали куда-то под рёбра, туда, где хранилось то самое чувство, которое она испытала утром, когда увидела Харуто среди толпы, — чувство воспоминания, которого у неё не было.

«Подойди. Я всё объясню».

Ноги двигались сами. Она не заметила, как сделала шаг. Потом второй.

— Аля!

Рука Юки вцепилась в её запястье, но Аля почти не почувствовала этого.

«Я — это ты. Я знаю, чего ты боишься».

— Аля, слушай меня! — Юки не отпускала. Она дёргала её на себя и говорила прямо в лицо,

срывающимся голосом, и каждое слово было живым, тёплым, настоящим: — Это я. Аля, это я!

Помнишь, как ты разговаривала с ветром? Как ты проверяла мёд в чае? Ты не обязана никуда идти! Вернись!

Что-то в этих словах — в смешной, глупой, живой их обыденности — удержало её.

Аля моргнула.

Она стояла в двух шагах от Зовущего. Дождевая рябь на его лице тянулась к ней, как руки, и в каждой капле отражалось её собственное лицо.

— Нет, — сказала Аля.

Голос её дрогнул.

— Нет, — повторила она громче. — Ты не я.

Подвеска вспыхнула.

Голубой свет вырвался из стекла, холодный и ясный, и ударил по Зовущему не как удар, а как свет в тёмной комнате: он просто выявил то, что стояло перед ней. Дождевая маска дрогнула, потеряла форму. Голос оборвался на полуслове.

А потом Аля почувствовала, как что-то тёплое течёт из носа. Мир качнулся, будто невидимая рука вынула из неё горсть сил и унесла. Она едва устояла на ногах: Юки подхватила её под локоть.

— Дыши, — сказала Юки. — Просто дыши. Я держу.

Зовущий не исчез. Он замер, колеблясь, и Аля поняла: свет оттолкнул его, но не убил. Он стоял, и голос его вновь начал собираться.

— Нужно ударить, — прохрипел Харуто с земли. — Но я не вижу куда. Они… рассыпаются где угодно.

— Не где угодно, — сказала Юки.

Она смотрела не на Зовущего, а в лужу у его ног. В тёмной воде, в которой отражались огонь жаровен и расплывчатая человеческая фигура, что-то светилось.

— Я вижу его в воде, — выдохнула она. — В отражении он другой. У него внутри светится точка. Прямо под ключицей, слева.

— Ты уверена? — крикнул Каэль.

— Нет! — отозвалась Юки. — Но она есть!

Харуто поднялся. Левая рука висела плетью, правая крепко сжимала меч. Он не стал спрашивать, откуда она знает. Он просто шагнул вперёд и ударил — резко, коротко, в точку под ключицей.

Серебряная линия пробежала по клинку и погасла.

Зовущий осыпался на камни дождевыми каплями. Больше голосов не было.

На мгновение в Астерионе стало тихо настолько, что стало слышно, как шипят жаровни.

А потом трещина вздрогнула.

Из неё что-то выпало.

Оно ударилось о мокрые камни глухо, тяжело, как падает человеческое тело. Каэль мгновенно оказался рядом, клинок поднят. Стражники сомкнули строй.

На мостовой лежал человек.

Он был молод, примерно ровесник Харуто. Тёмный плащ, но не чёрный, как у Харуто, а светлый,

голубоватый, потемневший от воды и грязи. Светлые волосы слиплись на лбу. На носу — очки, одно стекло которых треснуло звездой. Рядом с ним на камнях лежал свёрток, обмотанный плащом: длинный, узкий, перехваченный ремнями. Из-под ткани пробивался слабый голубой отсвет.

Аля шагнула вперёд, не успев подумать.

— Осторожно, — сказал Каэль.

— Он ранен.

— Это может быть обманом.

— Он без сознания.

— Это тоже может быть обманом.

— Капитан, — Юки произнесла это так, словно речь шла о погоде, — вы правда считаете, что человек в разбитых очках, выпавший из дыры в мире под дождём, представляет угрозу?

Каэль не ответил, но клинок не опустил.

Аля опустилась на колени. Дождь стекал по её волосам, по лицу, по шее, и подвеска холодно билась о грудь. Мужчина дышал: слабо, неровно, но дышал. На щеке — длинная царапина. Рука сжимала свёрток с такой силой, будто держалась за него, как за последнюю опору.

Она осторожно сняла с него очки, чтобы стекло не врезалось в кожу.

И в этот момент он открыл глаза.

Они были зелёными. Яркими, внимательными, даже теперь, в бреду, слегка насмешливыми. Он посмотрел на Алю, потом на дождь, потом на огни жаровен над её

головой, и на лице его отразилось что-то вроде вежливого изумления.

— Скажите, что я попал в мир, где есть кровати, — хрипло произнёс он.

— Есть, — ответила Аля. — Но сначала тебе нужен лекарь.

— Звучит разумно. А у вас, случайно, нет с собой чашки чая? Я за последние… не знаю сколько… — он попытался улыбнуться, получилось криво, — потерял счёт времени. И очки.

— Очки я держу.

— Это лучшая новость за день.

Он повернул голову. Взгляд его скользнул по стражникам, по Юки, по Каэлю с клинком — и остановился на Харуто.

Харуто стоял в нескольких шагах. Левая рука его безвольно висела, лицо было серым от боли и холода. Но он не замечал этого. Он смотрел на человека на мостовой так, как смотрят в зеркало, которое показывает не то, что должно.

Те же черты. Та же линия скул. Тот же упрямый подбородок. Только волосы светлые вместо чёрных, а в глазах — не тень, а лукавый, живой огонёк.

— Ага, — тихо сказал незнакомец. — Значит, это правда. Ты существуешь.

— Кто ты? — спросил Харуто. Голос его прозвучал глухо.

— Юджио. — Он слабо махнул рукой, будто представлялся на приёме. — Приятно познакомиться.

Хотя, честно говоря, ты выглядишь хуже, чем я представлял. Это плащ такой драматичный или ты правда всегда такой?

— Юджио, — повторил Харуто.

— Извини, неловко получилось. Я думал, что вы… ты… будешь готов.

Веки его дрогнули.

— Нет, подожди. Погоди. Мне нужно сказать…

Голова откинулась набок. Рука, державшая свёрток, ослабла, но не разжалась.

— Юджио? — окликнула Аля.

— Он потерял сознание, — сказал Каэль. Он наконец убрал клинок, но по лицу его было видно, что спокойнее ему от этого не стало. — Харуто. Объясни мне. Прямо сейчас.

— Не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу, — Харуто с усилием выпрямился. Он говорил медленно, словно подбирая слова на чужом языке. — Я не знаю, кто он. Но я знаю, откуда он пришёл.

— Откуда?

— Из-за Завесы.

Каэль долго смотрел на него. Дождь стекал по его шлему и по рыжим волосам, собирался в складках плаща цвета тёмного вина. Лицо капитана оставалось непроницаемым, но в глазах что-то менялось: медленно, тяжело, как тает лёд на реке в начале весны.

— Тогда ты расскажешь мне всё завтра, — сказал он наконец. — В караульне. С самого начала. И он, — кивок в сторону Юджио, — отправится под охрану лекаря. Под моей охраной.

— Он не опасен.

— Я не спрашиваю, опасен ли он. Я говорю, что он будет там, где я смогу его видеть.

Харуто промолчал. Это было почти согласие.

Двое стражников подняли Юджио на носилки. Свёрток он не отдал, и никто не решился разжать его пальцы. Уже когда носилки подняли, Аля заметила, что ткань на длинном предмете чуть сдвинулась, и из-под неё выглянул тонкий голубой отсвет: не лезвие, а скорее лепесток, нарисованный светом.

Подвеска на её груди дрогнула.

Звезда внутри стекла засияла в такт голубому отсвету из-под плаща.

Аля прижала ладонь к груди.

— Ты тоже это почувствовала? — тихо спросила Юки.

— Да.

— И что это?

— Не знаю. Но оно звало не так, как они. Оно… узнало.

Юки ничего не ответила. Она смотрела в лужу у своих ног. В тёмной воде отражались жаровни, силуэты стражников и две девушки, стоящие плечом к плечу.

Её собственное отражение улыбалось.

Юки не улыбалась.

Она моргнула — и отражение снова стало обычным.

Харуто, державшийся за раненую руку, сказал им в спину:

— Идите домой. Сейчас. Обе.

— Ты ранен, — сказала Аля.

— Это пройдёт.

— Не похоже.

— Аля.

Она посмотрела на него. Он смотрел не на неё, а на трещину, которая медленно, неохотно, словно утомлённое существо, сжималась в чёрную линию.

— Это только первая ночь, — сказал он. — Завтра будет хуже.

Аля хотела возразить, но не нашла слов. Юки взяла её под руку.

Они пошли вниз по мокрым ступеням, и дождь шёл над ними всё тише, всё ровнее, всё обычнее, как будто ничего не случилось.

Но Аля знала: утром, которое она помнила, больше нет.

А в тёмной воде, под ногами уходящих, ещё долго светилась крошечная голубая звезда.

Глава 3. Клинок, помнящий звёзды

Лазарет городской стражи располагался в нижнем крыле караульни у Северных ворот, и пахло там так, как пахнет везде, где людей чинят: травяным отваром, горячим железом и сырой шерстью. Длинная комната с низким потолком была разделена занавесками на закутки. В одном спал стражник с перевязанной головой, в другом сидел старик с обожжённой ладонью и вполголоса ругал чью-то неосторожность. В самом дальнем, у печи, лежал Юджио.

Целитель появился в городе за три дня до того, как закрыли ворота, и теперь клял собственное везение.

— Я собирался уйти в долину, — сказал он, не отрываясь от работы. — У меня там дела. Хорошие, спокойные дела: у пастуха нога, у жены мельника кашель. Но вчера Каэль Варен перехватил меня на мосту и очень вежливо объяснил, что город закрыт, а лекарей у него не хватает. Вежливость у него такая, что отказаться невозможно.

Его звали Элиан Сорель. Ему было чуть за тридцать, у него были тёмно-русые волосы, не знавшие гребня дольше, чем он готов был признать, мягкие серые глаза и плащ с таким количеством заплат, что оригинальную ткань пришлось бы искать с лупой. На поясе висела сумка из потёртой кожи. Из сумки торчали пучки сухих трав, свёрнутые полотенца и деревянная ложка, которая, по-видимому, жила там постоянно.

Харуто сидел на табурете у стены. Рукав он закатал сам, и теперь белые разводы инея, вылезшие из-под ткани, лежали на коже от запястья до локтя, как рисунок, нанесённый морозом по стеклу. Кожа под ними была серой. Пальцы почти не слушались.

— Больно? — спросил Элиан.

— Нет.

— Это плохо.

— Почему?

— Потому что нерв не отвечает. Если бы болело, я бы радовался.

Он поставил на стол низкую глиняную чашку, налил в неё из чайника что-то золотистое и подвинул Харуто.

— Выпей. Это не лекарство, просто мёд с тёплой водой. Я всегда начинаю с этого. Люди зажимаются, когда их лечат, а когда держат в руках чашку, зажимаются меньше.

— Мне не нужно.

— Знаю. Выпей.

Харуто посмотрел на чашку, потом на целителя. В лице Элиана не было ни нажима, ни просьбы, одна терпеливая доброжелательность человека, который многократно проходил эту сцену и знает, чем она заканчивается. Харуто взял чашку левой рукой, не заметив этого, и только потом сообразил, что пальцы удержали её. Ненадолго, но удержали.

— Видишь, — сказал Элиан. — Иногда достаточно перестать думать, что ничего не выйдет.

Он положил ладони на предплечье Харуто. Вдохнул, будто собирался нырнуть. И замолчал.

Магия восстановления выглядела совсем не так, как рассказывали сказки. Не было ни света, ни песнопений. Просто в воздухе над рукой на мгновение стало тише, как бывает в комнате, когда замолкает громкие часы. Иней на коже дрогнул и побежал назад, к запястью, отступая от локтя, как вода при отливе. Серый цвет тронуло розовым. Харуто втянул воздух сквозь зубы: к руке возвращалось чувство, а чувство, как известно, не бывает без боли.

— Вот теперь можно и поругаться, — сказал Элиан, не открывая глаз. — Это полезно.

Харуто промолчал. На лбу выступил пот.

Через несколько минут целитель отнял ладони. Лицо у него было усталое и слегка растерянное, как у человека, потерявшего нить разговора. Он потянулся к недопитой чашке и сделал глоток.

Брови его чуть сдвинулись.

— Ты в порядке? — спросил Харуто.

— Конечно, — улыбнулся Элиан. — Просто странно. Должен быть мёд. Я знаю, что там мёд. Но ничего не чувствую.

Он поставил чашку, внимательно посмотрел на неё и поскучнел.

— Ладно, — сказал он. — Через несколько дней вернётся. Обычно возвращается.

— Обычно?